

Заметки о литературе

1. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

А. ФАДЕЕВ

«Имеется полное основание надеяться, что, когда история культуры будет написана марксистами, — мы убедимся, что роль буржуазии в процессах культурного творчества сильно преувеличена, а в области литературы — особенно сильно...».

Эти слова Горького на Первом всесоюзном съезде советских писателей нужно понимать не как отрицание буржуазного характера господствующей культуры при капитализме, а как подтверждение мысли Ленина о двух культурах в каждой нации, о том, что условия жизни трудящейся и эксплуатируемой массы при капитализме порождают элементы культуры демократической и социалистической. Настроения, идеология эксплуатируемой массы влияют не только на тех творцов культуры, которые вышли из этой же массы, а и на лучших представителей господствующих классов. Именно этим объясняется гуманистический (хотя бы и в старом, не пролетарском, не коммунистическом смысле) характер великой классической литературы и то, что она продолжает жить для нас.

Можно без преувеличения сказать, что после первой мировой войны, обнажившей гнилость основ капитализма, а особенно после Великой Октябрьской революции, открывшей новую, социалистическую эру в развитии человечества, с капитализмом порвали самые крупные из живших тогда художников слова — последние могиканы гуманистической литературы XIX и начала XX столетий.

Анатоль Франс на закате своих дней пришел в коммунистическую партию. Бернард Шоу, острейший критик капиталистического мира, стал другом нашей страны. Томас Манн всю жизнь со всей силой своего мощного таланта изобличал пороки буржуазного общества, уродующего личность человека, и защищал человеческие ценности от мракобесов. Ромен Роллан с его неподкупным гуманизмом стал союзником коммунизма. К коммунизму пришли Теодор Драйзер, Анри Барбюс, Мартин Андерсен Нексе. Творчество Рабиндраната Тагора было связано с национально-освободительными чаяниями индийского народа, а другой выдающийся писатель Индии — Прем Чанд находился в первых рядах борцов за национальное освобождение. Светлый талант великого китайского писателя Лу Синь

на целиком и полностью был отдан делу народной революции в Китае.

Наиболее противоречивый по своим взглядам, крупный английский писатель Герберт Уэллс, несмотря на все попытки империалистов сделать его «своим», не сошел с позиций гуманизма и остался в памяти людей как один из наиболее своеобразных критиков капитализма.

Что же сказать о нашем Горьком, с юных лет связавшем свою жизнь с рабочим классом, — о великом Горьком, чье гениальное творчество до последнего дыхания было отдано делу победы коммунизма и возвышению трудящегося человека!

История застала каждого из этих писателей, которые являлись высшим цветом литературы своего времени, на разных этапах пути от капитализма к социализму.

Далеко не все из них понимали, выражением какого исторического процесса является их творчество и общественное поведение. Далеко не все принимали новое, социалистическое общество. Были и такие, что не сочувствовали ему. Одни проходили первую половину пути, другие — вторую. Одни, как Герберт Уэллс, хотя и отталкивались от капитализма, придерживались за него. Другие, как Максим Горький, шли во главе борцов за социализм, во главе строителей социализма.

Но все они — по-разному и по различным мотивам — отказались служить империализму, все они выступали как разоблачители мерзостей капитализма во имя лучшего будущего человечества. Живые носители лучших традиций классической литературы, они, можно сказать, лично вручили современному прогрессивному писателю всех стран эстафету гуманизма и заветы нести ее все вперед и выше. Таким образом, современная мировая прогрессивная литература является естественной, можно сказать, — законной продолжательницей всего лучшего в прошлом развитии литературы и в то же время новым шагом вперед в художественном развитии человечества. Самый факт ее существования и роста является лучшим свидетельством того, что человечество в значительной своей части вступило, частью вступает, а в большей части неизбежно вступит завтра, на новую, более высокую историческую ступень, о которой мечтали, за которую боролись трудящиеся массы, лучшие умы человечества.

Когда мы говорим о современной про-

грессивной литературе, мы, разумеется, включаем в нее и нашу советскую литературу, и литературу стран народной демократии, и всю передовую литературу больших и малых капиталистических стран.

Среди зарубежных писателей есть люди, которые разделяют мировоззрение и творческий метод советских писателей и отстаивают его своими способами художественного выражения, — одни в условиях стран народной демократии, другие в условиях капитализма. Есть писатели, идущие путями, нам родственными или близкими; писатели, близкие нам политически и расходящиеся с нами в понимании вопросов творчества; писатели, политические взгляды которых далеки от нас, но творчество которых в своих главных чертах носит прогрессивный характер (приведу в пример умершего несколько лет назад видного американского писателя Синклера Льюиса, который никогда не был близок нашей стране, но который до конца жизни оставался писателем-реалистом, критиком лая и противоречий капитализма; многие его произведения издавались у нас, и их следовало бы переиздать).

Есть писатели, далекие от нас и по своим политическим взглядам и по характеру творчества, но стоящие за мирное сосуществование государств, отстаивающие дело мира во всем мире.

Наконец, многие писатели, не принадлежащие непосредственно к прогрессивному лагерю, очень хотят понять нас и честно разобраться в том, что происходит в мире. Они многого не понимают, совершают ошибки. В то же время они лично не связали себя с реакционными режимами, не заняты себя неблагоприятными посылками по отношению к народу и ищут контакта с прогрессивными силами.

Прогрессивная литература в лице ее лучших представителей является в наши дни цветом мировой литературы.

Нельзя говорить о современной французской литературе без Арагона, Элюара, Стиля, Роже Вайяна, Сартра, Веркора, Робера Мерля, Пьера Гаскара. Нельзя говорить о немецкой литературе без Бехера, Бертольда Брехта, Анны Зегерс, Арнольда Швейгера, Ремарка, Фейхтвангера; об американской литературе — без Говарда Фаста, Колдуэлла, Лилиан Хеллман, Хемингуэя; об английской литературе — без Олдриджа, Шона О'Кейси, Коппарда, Линдсея; об итальянской — без Пратоллини, Моравиа; об австралийской — без Катарини Сусанны Причард, Фрэнка Харди; о литературе стран Латинской Америки — без Пабло Неруды, Жоржи Амаду, Николаса Гильена; об индийской литературе — без Кришана

Чандра. Сейчас благодаря хорошим переводам на русский язык, принадлежащим Н. Крымской и А. Эмзиной, мы точно вновь открыли прекрасного исландского писателя Халлдора Лакснесса — автора «Самостоятельных людей» и «Атомной станции».

Все более широко становятся известны в мире имена замечательных китайских писателей — наших друзей Го Мо-жо, Мао Дуя, Лао Шэ, Чжао Шу-ли, Дин Лин, имена писателей стран народной демократии на Западе и Востоке — Кручковского, Броневского, К. Брандыса, Пуймановой, Майеровой, Незвала, Садовяну, Петера Вереша, Христо Радевского, Караславова, Ли Ги Ена, Хан Сер Я и многих других.

Справедливо говорят, что в современной прогрессивной литературе мира советской литературе принадлежит роль старшего товарища и друга. Это объясняется, конечно, не тем, что советские писатели только этого, что они советские, или талантливее, или лучше владеют мастерством, чем прогрессивные писатели других стран. По старинному выражению, «талант, как истина или добро: где обретается, там и берется». А объясняется это тем, что советская литература в целом — литература великого народа, которому первому удалось освободиться от цепей капитала и построить социалистическое общество. Это дало советской литературе возможность и преимущество впервые в истории показать борьбу за новый, справедливый строй жизни и самую эту жизнь, характеры и отношения людей в условиях социализма и накопить тем самым известный художественный опыт, имеющий новаторское значение в мировом развитии литературы.

Это наше положение старшего товарища и друга ко многому обязывает.

Мы должны хорошо знать зарубежных писателей, разбираться в различных направлениях и течениях мировой литературы, видеть и поддерживать передовое, здоровое, полезное, способствуя тому, чтобы все честные писатели сплачивались в лагере прогрессивных, миролюбивых, демократических сил или приближались к нему. Это, разумеется, исключает всякое самодовольство и зазнайство с нашей стороны. Мы должны учиться опыту и мастерству у лучших художников слова на Западе и Востоке, прислушиваться к их критике и правильно воспринимать ее, не лишая, конечно, и себя права критики, находя для нее нужные формы и борясь против реакционной идеологии.

Как неизмеримо возросли задачи советских литераторов в наши дни, когда мы должны быть великой духовной силой воспитания не только советских людей, а и миллионов наших читателей за рубежом!

«Советская литература призвана служить делу трудящихся как самая передо-

вая литература в мире и быть на вершине мирового художественного творчества», — к этому призвал нас советских литераторов, Центральный Комитет партии в своем приветствии Второму съезду писателей.

Всегда ли мы сознаем эти требования? И можем ли мы сказать, что наша литература развивается сегодня на уровне этих всемирно-исторических задач?

2. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ

За время существования советского строя в нашей литературе созданы непреодолимые художественные ценности, сохраняющие в известном смысле значение образцов. Они живут и будут жить в сердцах поколений читателей.

За последние два-три года создано немало новых талантливых произведений, оставивших большой след в читательском сознании, — я о них еще буду говорить. Но в наши дни, может быть, особенно чувствуется неудовлетворенность читателя уровнем нашей литературы.

В этом нужно разобраться.

После Великой Отечественной войны страна наша шагнула далеко вперед в области хозяйства, культуры, улучшения условий жизни и быта народа.

За последние два-три года Центральный Комитет партии разработал обширную, цельную, с глубоким взглядом в будущее систему мероприятий по подъему сельского хозяйства. Прошедший в июле этого года пленум Центрального Комитета принял исключительной важности постановление о дальнейшем развитии промышленности на основе мощного технического прогресса и коренного улучшения организации производства.

Можно сказать, что страна наша вступила в новый, более высокий этап развития, вооруженная программой новых великих работ.

Мы являемся участниками небывалого культурного строительства, конечная цель которого — сделать весь народ, всех рабочих и колхозников культурными, разнообразно образованными. Работа, которую партия проводит по искоренению канцелярско-бюрократических методов руководства и приближению руководящих учреждений и деятелей к живому делу, к массам, по внедрению принципов коллективного руководства, по развертыванию инициативы, по предоставлению им больших прав, по развертыванию критики и самокритики, по обеспечению советской законности и прав граждан, — вся эта гигантская, кропотливая работа все глубже и шире раскрывает возможности и преимущества великой советской демократии.

Советский человек духовно вырос и стремится к полному расцвету своих творческих способностей.

Мы живем в эпоху исторического соревнования между социализмом и капитализмом и стремимся к тому, чтобы это соревнование было мирным соревнованием. Мы знаем, что наше правительство вместе со всеми миролюбивыми силами делает все, чтобы в международных отношениях торжествовал дух переговоров и соглашений. Но мы помним о существовании агрессивных и реакционных кругов, способных на все, чтобы воспрепятствовать росту сил социализма, и помним о существовании реакционной идеологии, находящей тысячи форм, чтобы прикрыть свою враждебную сущность и вызвать отклик среди наименее устойчивых элементов в лагере социализма.

Наше развитие сопряжено с преодолением немалых трудностей и противоречий. Социализм вошел в быт, и там идет острая и подчас скрытая борьба сил старого мира против социалистических отношений и норм. Силы старого мира не безличны, они персонализируются в людях, работающих перед капитализмом и его идеологией, в карьеристах, бюрократах, либералах за счет народа и государства, в расхитителях общественной собственности, клеветниках и подхалимах, в людях, разложившихся морально, людях косных, равнодушных к народным нуждам, двурушниках и перестраховщиках, моральных и физических лентяях, хулиганах и в других разнообразных представителях мещанского индивидуализма и собственного эгоизма. Эта борьба происходит и в сознании людей, когда названные свойства выступают как пережитки, как родимые пятна старого мира.

Горький называл литературу «человеческим ведением». Как же отразилась в литературе последних двух-трех лет советский человек, его труд, его жизнь, его борьба?

Несомненной положительной чертой литературы этих лет нужно считать все более широкое проникновение ее в самые различные области советской жизни. Это справедливо по отношению к прозе и поэзии, меньше — по отношению к драматургии и кинодраматургии, главным образом, потому, что современных пьес, а особенно сценариев, заслуживших того, чтобы их напечатали или поставили, еще мало.

Среди авторов произведений литературы этих лет можно видеть много новых имен, людей не столичных, пришедших с разных сторон нашей большой земли. В произведениях действуют рабочие и работники разных профессий и специальностей, партийные и советские работники, комсомольцы города и деревни, колхозники и колхозницы, ученые, инженеры, агрономы, директора промышленных предприятий и совхозов, военные, учителя, врачи, железнодорожники и водники, студенты, школьники и просто маленькие дети, воспитатели и воспитанники детских домов, учащие-

влялся ремесленных училищ, работники леса, летчики, домашние хозяйки, охотники, работники газет. И действуют эти люди тоже в самых различных местах, краях, республиках нашей необъятной земли.

Положительной чертой литературы этих лет надо считать ее репительный поворот к темам современности.

Не входя пока что в оценку идейно-художественного качества произведений, я могу сказать, что за 1953—1955 годы было опубликовано только на русском языке 152 больших и малых произведения прозы из жизни колхозов и совхозов и 60 произведений прозы, посвященных промышленному производству, жизни рабочих и инженеров (сюда входят произведения не только русских авторов, а и переводные с языков народов СССР).

Литература во всех ее видах шире, чем когда-либо в прошлом, вторгается в быт, много произведений, в которых быт людей, общественный, семейный, занимает даже главное место. Растет интерес к вопросам техники, новаторства в технике, борьбы за технический прогресс, а также к научной работе, открытиям в области науки, к жизни ученых.

В ряде произведений большое место отведено труду, отношению людей к труду, социалистическому соревнованию в труде, работе руководителей промышленных предприятий и колхозов, вопросам партийного руководства.

Можно считать закономерным и правильным, что главной темой большинства произведений, каких бы областей жизни они ни касались, является тема коммунистического воспитания и перевоспитания людей, борьбы с пережитками старого, собственнического мира в их сознании, изживания антиобщественных черт под влиянием общественного воздействия. Во многих произведениях затронуты вопросы воспитания молодежи, но книг собственно о молодежи, особенно о комсомоле, немного. Некоторые произведения посвящены вопросам воспитания детей: в семье, школе, детском доме.

Вопросы воспитания тесно связаны с вопросами коммунистической морали, понимаемой в широком смысле: выполнение своего долга перед народом и государством, отношение к труду, к общественной собственности, к воинскому долгу, отношения дружеские, любовные, семейные, поведение в быту. Все эти вопросы поднимает литература последних лет, в частности, внимание ее особенно приковано сейчас к вопросам семейных отношений.

И, наконец, характерной чертой большинства произведений всех видов является их возросшая критическая направленность. Конечно, изображение положительных явлений нашей действительности по-прежнему стоит в центре внимания боль-

шинства наших писателей, но во многих произведениях все антиобщественное и обветшалое, мешающее росту хозяйства и культуры и самого человека, подвергается более острой критике, чем это имело место в прошлом.

Критика эта выражается большей частью в формах, свойственных обычному реалистическому письму, а сатирических произведений с их особыми приемами заострения мало; здесь застрельщиками выступают, главным образом, поэты и авторы малых сатирических форм и немножко драматурги.

Чтобы завершить этот предварительный общий обзор, я должен сказать еще, что темы международного характера — нашей внешней политики, темы борьбы за мир, мирного сосуществования и дружбы между народами, разоблачения агрессивных сил за рубежом, темы жизни трудящихся в странах народной демократии и в странах капитализма — не заняли в литературе такого места, какое должны были бы занимать, хотя здесь и можно отметить некоторые успехи нашей поэзии.

Эта общая характеристика литературы по темам претерпит сильные изменения, если мы будем рассматривать не весь широкий круг произведений, созданных за эти два-три года, а возьмем действительно лучшие из них. Нельзя не отметить, что среди лучших произведений последних трех лет, если взять, к примеру, прозу, — больше книг, посвященных дореволюционному или довоенному (имею в виду последнюю войну) прошлому нашей Родины и Великой Отечественной войне.

«Лихая година» Гладкова, «Открытие мира» Смирнова, «Верное сердце» Кононова, «Открытая книга» Каверина, «Просвет в тучах» Упита, «Берег ветров» Хинта, «На Бунинском тракте» Талвира, «Сердце молодых» Крустена, «Переяславская Рада» Рыбака — это книги биографические и исторические (я не говорю здесь о второй книге «Поднятой целины» Шолохова, посвященной, как и первая, коллективизации, поскольку книга еще не закончена).

«Русский лес» Леонова, «Когда крепости не сдаются» Голубова, «За правое дело» Гроссмана, «Балтийское небо» Чуковского, «Зеленый луч» Соболева, «Сердце друга» Казакевича — это книги, связанные с Великой Отечественной войной, в которых авторы глубоко раскрывают характеры, дают события войны в их связи с прошлым развитием нашей Родины, ставят большие темы гуманизма. К этому ряду книг можно отнести также роман Симонова «Товарищи по оружию», написанный на материале военных событий под Халхин-Голом.

А среди книг, захватывающих послевоенную жизнь, можно, на мой взгляд, выделить по их идейно-художественным достоинствам «К новому берегу» Ладиса,

«Искатели» Гранина, «Дни нашей жизни» Келлинской. «Повесть о ливекторе МТС и главном агрономе» Николаевой, «В одном колхозе» и «Районные будни» Овечкина, повести и очерки Тендрякова, объединенные в книге «Среди лесов», некоторые повести и рассказы С. Антонова, Ю. Нагибина.

«Опять списки» вместо анализа произведений! — уже слышу я голоса читателей, а главным образом, писателей. — Как они, эти списки, нам надоели!».

Что ж, это недовольство законно. Но, первых, все перечисленные здесь книги уже широко обсуждались в печати, среди читателей и писателей и — при различных критических замечаниях — получили более или менее общую положительную оценку. Во-вторых, я не хочу сказать, что только эти произведения прозы являются лучшими, а по ходу своих заметок добавлю к ним еще некоторые. И, наконец, — это просто мое мнение, как читателя и писателя, и я его никому не навязываю.

Следует сказать, что среди даже лучших произведений, посвященных темам современности, нет таких, которые выражали бы в человеческих характерах не то что всю глубину, но хотя бы главные черты тех величественных преобразований, к которым партия призвала народ в наши дни. Литература здесь еще на подступах.

Но и среди книг, написанных на более отстоявшемся материале жизни, я не могу назвать таких, которые оставляли бы столь же неизгладимый след в сердцах современников, как «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», «Петр I», «Любовь Яровая», «Первые радости» и «Необыкновенное лето», «Василий Теркин».

Как это всегда бывает, когда страна переходит на новый, более высокий этап развития, сегодня перед писателями во весь рост и по-новому встают вопросы художественного творчества, включающие в себя и глубокое знание жизни, и понимание коренных процессов развития (что неотрывно от уровня мировоззрения и общего уровня знаний писателя), и вопросы художественного мастерства.

Если я, вопреки принятому обыкновению, хочу рассмотреть нашу современную литературу вначале под углом зрения ее художественных достоинств и недостатков, а потом сосредоточить свое внимание на вопросах мировоззрения писателя, то это по следующим причинам.

Рассмотрение того, как автор художественно воплотил свой замысел, помогает лучше вскрыть, хорошо ли писатель знает жизнь и правильно ли ее понимает.

И, наконец, недостаток художественного мастерства в работе широкого круга молодых, и не только молодых, писателей стал одним из главных тормозов роста литературы.

Но эти вопросы так неотрывны от вопросов идейных, что об этом я тоже буду говорить.

3. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА

Прежде всего мне могут задать вопрос: «А на каком основании или по какому праву вы будете судить о мастерстве своих товарищей, уж не считаете ли вы себя мастером?». Нет, к сожалению, я не могу считать себя мастером.

Великие классические писатели, наследниками которых мы хотим быть, — это лучшие наши учителя. Но нельзя забывать, что мы учимся и друг у друга. Каждый из нас, оглядываясь на свой литературный путь, может вспомнить, кому из своих современников он больше всего обязан, не говоря уже о том, чем мы все обязаны таким великанам, как Горький, Маяковский.

Когда автор этих строк стал начисто переписанную от руки на листах, вырванных из бухгалтерской книги, рукопись первой своей повести «Разлив» в редакцию журнала «Молодая гвардия», автор не знал, что она попадет в так называемый «самостек» или, как сейчас говорят иные, «мутный поток серой литературы». Повесть-то действительно была «серой» — от неопытности, от неумения писать, а поток и тогда и сейчас не был и не мог быть «мутным», потому что в него вовлекаются люди, которых рождала и рождает новая советская жизнь. Но им, этим людям, надо учиться.

Добрые руки — тогда это были руки писателей Либединского и Сейфуллиной — извлекли рукопись молодого автора из «потока», в котором она вливалась в течение года. И с той поры и до наших дней я храню особенную благодарность к писателям, творчество которых и прямые критические высказывания о всей моей литературной работе оказали наибольшее влияние на мое развитие как художника, — к Либединскому, Сейфуллиной, Всеволоду Иванову, Леонову, Федину, Шолохову, В. Катаеву. Это не означает, что за жизнь свою я не получал и не получаю много полезного от других.

Ученые писатели друг у друга — это не ученье в школе, оно протекает в бодрень. Я до сих пор отлично помню и знаю, что именно в творчестве названных писателей и в их критических высказываниях принесло мне пользу и что я не принимал и от чего отталкивался, но это не мешает мне считать их в числе своих учителей.

Что же касается мастерства, то я приведу здесь высказывание на этот счет хорошего белорусского писателя Ф. С. Пестрака: «Кроме того или иного понимания, нужна еще «тренировка». Ее-то мало, очень мало».

Это очень верно сказано. Мне кажется, что в вопросах мастерства и у меня есть то или иное понимание некоторых важных вещей, но я слишком мало писал в своей жизни, о чем сейчас так сильно жалею, у меня тоже было мало «тренировки», и поэтому в собственной литературной работе я часто делаю те же ошибки (и не вижу их), что так хорошо видны порой в работе других.

Я глубочайшим образом убежден, что среди нас, деятелей литературы и искусства, очень много работников, которые хорошо знают жизнь и понимают ее развитие и владеют достаточными средствами художественной работы, а выполняют ее ниже своих возможностей только от нашего взаимного послабления в требованиях друг к другу.

ПРОЗА

Среди произведений, названных мной, некоторые написаны выдающимися нашими мастерами и могут служить в известном смысле образцами. Но и этим произведениям свойственны свои недостатки, только они, эти недостатки, несравненно меньше достоинств. Например, книге Гладкова, как и предыдущим его книгам этого же цикла, дающим широкую реалистическую картину дореволюционной жизни народа, присуща порой растянута повествования, иногда натуралистические излишества, при всем том, что она написана с глубоким знанием жизни и людей и прекрасным литературным языком.

В большой степени грех растянута повествования, излишества в подробностях свойственны книгам названных мной эстонских писателей Хинта и Крустена, хотя обе книги с глубоким экскурсом в прошлое Эстонии, особенно в революционную борьбу 1905 года, имеют большое познавательное и воспитательное значение. Эти же недостатки можно отметить и в книге чувашского писателя Талвира и в колхозных повестях Тендрякова.

Такой замечательный мастер прозы, как Леонов, в отличие от большинства наших предшественников и современников, продолжавших с возрастом путь от сложного к простому, в романе «Русский лес» пришел к более усложненному языку, чем это было свойственно произведениям его молодости. Леонов отличается умением гармонически строить свои произведения в том смысле, что в них нет лишнего, «притянутого за уши» людей и событий, которые не нужны были бы для выражения главной мысли автора со всеми ее сторонами и оттенками. Но при этих достоинствах новому роману Леонова, как, впрочем, и «Дороге на океан», присуща известная медлительность в развертывании сюжета, связанная с частыми и долгими отгладками в прошлое героев. Оба эти недостатка отяжеляют восприятие книги для широкого читателя.

«Товарищи по оружию» Симонова — первая книга большой эпопеи — хорошая книга, в известной мере даже недооцененная. Достоинство ее в том, что она талантливо и поднимает новый материал жизни, дает широкую картину военного и гражданского быта рядовых советских людей конца тридцатых годов. Автору удалось образ командующего, который действительно командует, образы советских командиров, особенно летчиков Козырева и Полинина, некоторые женские образы. Хорошо написаны сцены боев и сражений, жаль только, что нет развернутых образов рядовых бойцов, если не считать Кольцова, показанного эпизодически. В романе звучит тема интернационального братства — в сценах испанских и монгольских; хорошо дана природа Монголии. Но книга растянута, и это впечатление растянутости усиливается еще оттого, что Симонов пишет одинаково ровно и о больших событиях и о маленьких. Высотные здания, как известно, вносят организацию в расположение, пейзаж, ансамбль города, иначе город выглядел бы плоским. В художественном произведении также должны быть свои высотные здания, являющиеся идейными и художественными вышками, организующими его.

Взять хоть бы такой большой роман, как «Жизнь Клима Самгина». Горький ведет повествование, преломляя огромный материал жизни через восприятие Клима Самгина, — фигуры по ее меланхолическому индивидуалистическому содержанию довольно-таки скучной. Однако Горькому удалось показать в романе течение русской жизни за сорок лет, и там среди самых будничных явлений с их более или менее ровным течением выделяются наполненные глубоким идейным смыслом и написанные особенно густой кистью картины Ходынки, Нижегородской ярмарки, кровавого воскресенья, декабрьского восстания и др.

В книге Симонова есть люди и сцены, заслуживающие того, чтобы их возвысить, выделить, — например, отлично написанная сцена обмена раненых нашей и японской сторонами, — но они несколько теряются среди людей и сцен, менее важных. Нетрудно видеть, что это как раз тот случай, когда существенный вопрос художественного мастерства зависит от глубины взгляда автора на жизнь и широты охвата им явлений жизни.

Чем ближе к современности, тем труднее его художественно обобщить и выразить. Но передовое мировоззрение больших писателей прошлого позволяло им идти в ногу с временем. Это тем более должно

(Продолжение см. на 4 стр.)

Несомненно, советская промышленная выставка в Буэнос-Айресе сыграла важную роль в укреплении дружбы между советским и аргентинским народами.

свои силы, в успех своей деятельности. Это наивысшее проявление патриотизма в его подлинно мирной и благородной форме.

Франко-советских отношений все больше советских людей приезжало во Францию и знакомились с ее жизнью.

Жертвы мира

Рисунок худ. Ренцо Веспиньяни из итальянского журнала «Иль контемпоранео»

В институте введен пока годичный срок обучения, который будет продлен в дальнейшем до трех лет.

Заметки о литературе

(Продолжение)

быть свойственно писателям советского общества.

Наиболее близко к нашим дням подошли авторы очерков, рассказов и повестей на колхозные темы. При всех индивидуальных различиях в литературной работе Овечкина, Николаевой, Тендрякова — эти авторы умеют лепить цельные характеры и давать их в развитии, наполнять конфликты большим политическим содержанием, верно видеть противника и не преуменьшать его силу и значение, выступает ли он как живое лицо или как пережиток в сознании.

Я могу назвать некоторые произведения и других авторов, пишущих сегодня на колхозные темы, и тоже обсужденные уже нашей общественностью: «Под одной крышей» Михаила Жестева, «Весной 1954 года» Сергея Залыгина, «На среднем уровне» и «Лунные ночи» Анатолия Калинин, «В Снегирях» Григория Бакланова, «Разлив на Алатырь-реке» Ивана Антонова, рассказы Ефима Дороша, «Большой разговор» Семена Журавовича, «Наши девушки» и «Утренняя звезда» Исы Гусейнова, очерки об освоении целинных земель Сабита Муканова, «Из записок агронома» Гавриила Тропопольского.

С моей точки зрения, эти очерки, рассказы и повести отличаются правдивым изображением колхозной жизни, не замалчивают трудностей развития нашей деревни, дают портреты хороших и плохих и находящихся в становлении председателей колхозов, партийных руководителей, а особенно рядовых колхозников и представителей сельской интеллигенции. Но я бы не сказал, что люди колхозной деревни подняты в этих произведениях до больших характеров.

Мне хочется напомнить, что подлинные характеры и их столкновения можно дать не только в рассказе, повести или романе, но и в очерке. «Записки охотника» Тургенева также были не чем иным, как очерками, в которых Тургенев вывел целую галерею образов крестьян и их угнетателей помещиков с их прислужниками бурмистрами и старостами.

Сила обобщения этих образов заставила Л. Толстого записать в дневнике: «Читал «Записки охотника» Тургенева, и как-то трудно писать после него». В образах

Касьяна с Красивой Мечи, Лукерьи в «Живых мощах», Герасима в «Муму» Тургенев предвосхитил и Поликушку и Платона Каратаева, всю толстовскую крестьянскую тему.

Неменьшей силой обобщения обладали очерки Глеба Успенского.

У нас есть мастера очерка. К ним принадлежит, например, Борис Галин. Можно рекомендовать сборник его очерков о шахтерах — «Чудесная сила» с их богатством человеческих образов, умным и душевным подходом ко всем явлениям жизни, широкой взглядом, связывающего труд рядовых шахтеров с событиями, происходящими в мире. Жаль только, что Галин недостаточно экономен, повторяется, а порой ему не хватает темперамента в изображении цельных шахтерских натур.

В центре литературы и вообще искусства, как известно, стоит человек. Но человека нельзя оторвать от его деяний. Трудность изображения людей в производственной деятельности объясняется в числе прочего сложным характером современного производства, специфической терминологией, обозначающей предметы техники и объекты труда, тесной взаимной связанностью и соподчиненностью многих людей, работающих на производстве: вовлечение в роман одной фигуры (например, директора завода) требует почти с неизбежностью вовлечения и другой и третьей (парторга или секретаря партийной организации, главного инженера и т. д.), чтобы сохранить «типические обстоятельства». А ведь каждую из этих фигур нужно дать в характере.

Правдивый показ производственной деятельности, если автор не хочет нарушить правду жизни искусственной изоляцией своих героев (а к этому для облегчения часто прибегают), предполагает показ деятельности больших коллективов партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, бригад, производственных совещаний, а это дело новое и нелегкое.

Чернышевский говорил, что природа в искусстве преломляется через «человеческое». Все трудности в художественном, поэтическом изображении людей на производстве могут быть преодолены, если все это будет также преломлено через «человеческое». Примером этому может служить

роман Гранина «Искатели», где автор сумел сделать увлекательными не только борьбу вокруг изобретения главного героя, но и самый процесс поисков и открытия. Гранин добился этого благодаря тому, что правдиво показал характеры борющихся сторон и всю жизненную сложность переплетения различных интересов вокруг изобретения. Он избежал или почти избежал при этом излишних технических подробностей, которые были бы непонятны широкому читателю. Читатель с увлечением следит за тем, как судьба изобретения, поскольку она связана с уже полюбившимся героем, решается и на комсомольском, и на партийном собрании, и на производственном совещании.

Задача Гранина в известной мере была облегчена тем, что борьба вокруг изобретения развертывается в научном учреждении, а картины производства имеют в романе «подсобное» значение. Однако и эти картины Гранин дает весьма живописно тоже благодаря верному изображению характеров, сквозь которые эти картины преломляются.

Действующие лица в романе вылеплены выпукло и зримо. Главный герой романа Лобанов — с некоторыми поправками — удача автора. Очень тонкими штрихами выписана фигура главного инженера энергетического учреждения, а фигура лжеученого Тонкова сделана почти скульптурно. И все-таки чувствуется у автора недостаток художественного опыта. Именно потому, что произведение это одно из лучших, я остановлюсь на некоторых его типичных недостатках.

Если роман, или поэма, или пьеса классического писателя включает в себя несколько тем, это не значит, что автор включил их по произволу, потому что так ему «понравилось» или потому, что «так бывает в жизни». Нет, он включает только то, что ему нужно для выражения главной идеи. Разные темы включаются только как разные стороны или ответвления этой главной идеи, и все персонажи романа, даже третьего, четвертого плана или вовсе эпизодические, и коллизии между ними привлечены только для того, чтобы полнее выразить богатство главной мысли со всеми ее оттенками.

Так, например, в «Анне Карениной» размовка Стивы Облонского с женой Долли,

вызванная изменой с гувернанткой, является прелюдией к трагической истории Анны, ее мужа Каренина и Вронского. И не только прелюдией, а «обычным», «легким», «общепринятым» вариантом тех отношений, которые в истории с Анной кончаются ее гибелью.

И вся история взаимоотношений Левина с Кити столь же закономерна, как пример правильно решенных, с точки зрения Толстого, семейных отношений. Все, что в романе связано с занятиями Левина сельским хозяйством и с крестьянами, все это тоже нужно Толстому для того, чтобы противопоставить эти насущные вопросы жизни народа в пореформенной России чиновному Петербургу с его светской праздной жизнью.

Таким образом, тема семейная выражает себя у Толстого несколькими путями, и в то же время она тесно переплетена с темой общественной.

Я не ставлю своей целью проверять работу нас, грешных, сравнениями с такими гигантами, как Лев Толстой. Но дело в том, что это — своего рода «закон» создания художественного произведения. И, конечно же, он соблюдается и соблюдается мастерами нашей художественной прозы. Фурманов, Федин, Леонов, даже когда они были молодыми и неопытными, не внесли ничего, внутренне не согласуемого между собой, в «Чапаева», в «Города и годы», в «Барсуки». Личные темы в этих романах — это стороны или грани темы общественной.

А посмотрите у Гранина: вся история личных отношений — неудачная любовь Лобанова к замужней женщине, любовь к нему девушки-сослуживицы, которой он не может ответить взаимностью, и, наконец, его любовь к Марине, с которой он обретает личное счастье, — вся эта личная история не имеет никакого отношения к главной теме романа, она совершенно произвольна. Автор мог бы как угодно варьировать эту сторону дела.

И потом, кто же выводит главную героиню в самом конце романа? Нельзя требовать, чтобы автор «обвенчал» героя со своей героиней в самом начале, но элементарный художественный опыт подсказывает, что лучше было бы ввести героиню с самого начала романа с ее самостоятельной судьбой, чтобы эта судьба по-своему перекликалась или служила бы одной из сторон выражения главной темы романа, темы искателей. И здесь тоже дело не только в недостатках технологических, а и в писательском видении мира.

Роман Кетлинский «Дни нашей жизни», который обладает относительно меньшей изобразительной силой, но который гораздо сложнее, потому что действие в нем разветвляется на крупном производстве, — в нем много действующих лиц и много сложных коллизий (общественных, производственных, семейных, личных), — лишен недостатков, отмеченных мною в романе Гранина, но имеет свои недостатки. Форма, избранная Кетлинской, очень точно выраженная в названии «Дни нашей жизни», позволяет автору ввести в роман много разных судеб для выражения главной мысли. Мысль эта в общих чертах сводится как раз к тому, насколько многообразны, различны, индивидуальны в своих стремлениях, радостях и горестях советские люди, как по-своему выражаются в людях пережитки старого, собственнического мира и как крупное производство организует, объединяет этих людей, перевоспитывает их в процессе коллективного труда, общественной деятельности, а также же общественного воздействия на них, где главная роль принадлежит партии, партийному коллективу.

В правдивом и живом показе места, роли и деятельности партийного коллектива на крупном заводе — одна из главных заслуг Кетлинской в этом романе. Относительно многосторонне показана в нем деятельность директора завода Немирова, который, помимо всего прочего, дан живым человеком, что не часто встречается при изображении хозяйственных и партийных руководителей.

Верная идейная направленность и чувство действительности позволили Кетлинской показать серьезные трудности и противоречия в семейной и личной жизни людей. Обращает в частности, на себя внимание фигура инженера Гаршина, хорошего инженера, честно относящегося к своей работе, человека живого и умного, но легкомысленного, без семейных устоев, легко вступающего в любовные связи. Он дан не трафаретно, без авторской дидактики, а осуждается всем ходом жизни в условиях советского общества.

Можно было бы еще многое сказать об удачах автора, но именно потому, что это произведение — одно из лучших за последние

годы, я хочу остановиться на некоторых его недостатках, типичных и для других современных произведений. Роман перенасыщен технологией производства, и она отяжеляет и оскучняет произведение. Когда автор, сам не работавший на производстве, слишком подробно влезает в технические детали, читатель относится к этому настороженно.

В частности, мне приходилось слышать, что в изображении Кетлинской производства деталей турбин имеются неточности, а обиднее всего, что они, эти детали, нужны в турбине, но совершенно не нужны в романе! Технологические процессы в романе Кетлинской не всегда преломляются через «человеческое». Нельзя, разумеется, совершенно обойти в таком романе производственные процессы, и Кетлинская добивается их занимательности как раз там, где даются человеческие характеры и где дух соревнования обретает поэтическую силу.

И еще мне хочется сказать об одном типичном недостатке, свойственном Кетлинской и в прежних и в этом ее романе, недостатке, который чрезвычайно распространен в нашей прозе. Многие наши прозаики, особенно молодые, забывают, что диалог в прозе играет совершенно такую же роль, как и в драматургии: он, диалог, нужен для выражения характеров людей, их взаимоотношений и столкновений. Прозаику легче, чем драматургу, придать именно это значение диалогу, потому что прозаик может сопроводить его изображением жеста, предварительным или последующим анализом чувств. А во многих наших произведениях прозы, и не только у молодых авторов, всякого рода иллюстративный материал, изложение внешних обстоятельств дается через диалог. Это прежде всего не рационально, неэкономно: все это гораздо короче и проще можно сказать от автора. И это лишает диалог его остроты и силы, герои не выражают в нем себя, а выполняют черную авторскую работу. Такие диалоги просто скучны.

Такие скучные разговоры в романе Кетлинской ведутся порой по вопросам технологии или организации производства.

(Продолжение следует)

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б04108.